

КИСЛОРОД

РОМАН ВОШЕЛ В ШОРТ-ЛИСТ
БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2001 ГОДА

ЭНДРЮ
МИЛЛЕР

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР. ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Эндрю Д. Миллер

Кислород

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607205

Миллер Э. Кислород : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70123-0

Оригинал: Andrew Miller, "OXYGEN"

Перевод:

Мария Нуянзина

Аннотация

Англия, конец 90-х. Два брата, Алек и Ларри, встречаются в доме матери, в котором не были много лет. Первый – литератор и переводчик, второй – спортсмен и киноактер. Тень былого омрачает их сложные отношения. Действие романа перемещается из страны в страну, из эпохи в эпоху, от человека к человеку. Один из тончайших стилистов нашего времени, Эндрю Миллер мастерски совмещает в своем романе пласты истории, просвечивая рентгеном прошлого темные стороны настоящего. Роман заслуженно вошел в шорт-лист премии Букера 2001 года.

Содержание

Ночной дозор	7
1	7
2	11
3	15
4	19
5	23
6	28
7	31
8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эндрю Миллер

Кислород

Эта книга посвящается памяти моих учителей – Малькольма Бредбери и Лорны Сейдж

Andrew Miller

OXYGEN

Copyright © 2011 by Andrew Miller

© Нуянзина Мария, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Я должен выразить глубокую признательность следующим людям, каждый из которых внес вклад в написание этой книги. Кэти Коллинз, которая стала моим первым вдохновителем. Дебби Моггач, которая познакомила меня со своими венгерскими друзьями, в особенности с Шандором и Бетти Райшнер. Рэчел Джерретт, а также Элисон и Сэму Гуглани, чей опыт в уходе за больными раком оказался просто неоценим. Адаму Бохру, который был моим гидом в Будапеште. Мише Гленни (благодаря любезности Кирсти Ланг), который отвечал на мои вопросы о ситуации на Балканах. Али (Коту) Миллеру и Марси Кац в Париже. Спаркл Хейтер в Нью-Йорке. Раине Чемберлен в Сан-Франциско. Лоранс Лалуйо в Лондоне. Моим родителям и сводным родителям, которые по моей просьбе делились воспоминаниями о Британии пятидесятых. Моей сестре Эмме, которая была снисходительна к моим ошибкам. Моему редактору, Кароль Уэлч, благодаря которой эта книга стала лучше, чем была бы без ее участия. И Саймону Труину, моему агенту, хорошему человеку, на которого всегда можно положиться. Ответственность за любые фактические неточности целиком и полностью лежит на авторе этих строк.

Эндрю Миллер, Лондон, 2001 год

«Ловушка для снов», штукавина из тех, что делают в резервациях американских индейцев и продают за гроши в сувенирных лавках, представляла собой кольцо величиной с ладонь взрослого человека, вырезанное из мягкого дерева и обмотанное кожаным ремнем. По центру кольца, напоминая паутину, шло переплетение синтетических нитей, а в его сердцевине – вот вам и паук – одиноко блестела зеленая бусина. Ларри Валентайн купил ее для своей дочери Эллы в городке под названием Берлога Индейского Медведя, когда был в Северной Каролине на съемках того, что потом оказалось одной из последних его серий в «Генерале Солнечной долины». Теперь она висела на окне у нее в спальне, где, согласно руководству по эксплуатации, должна была ловить в паутину плохие сны, а хорошие – грезы о солнечном утре, прогулках по пляжам Муира, добрых докторов и любящих папочках – беспрепятственно пропускать к ее кровати.

Он смотрел на нее с высоты своего роста и чувствовал себя великаном: в комнате все было таким маленьким. Она спала под одной простыней, разгоряченно раскинувшись, приоткрыв рот, с придыханием втягивая летний ночной воздух. Спутанные волосы буйной порослью разметались вокруг лица, глаза были плотно закрыты, будто сон требовал от нее пристального внимания, как раскраски – только бы не залезть за черный контур, – или задачи, которые она решала, неуклюже водя карандашом в учебнике.

Он начал поиски без большой надежды на успех, хотя список его находок был по-прежнему длиннее списка Кирсти, что смутно ее раздражало, будто это означало, что он знает дочь лучше, что у него есть интуиция, которой сама она лишена. Он начал с джинсов,

которые Элла надевала в тот день: вывернул все карманы, но нашел только ошметки бумажного носового платка, серебряный пятицентовик и мишку Гамми. Потом отвернул голову кукле-толстушке – если нажать, такие куклы жалуются, что обмочились, или просят есть, или говорят: «Я тебя люблю». Однажды Элла спрятала там старинную серебряную цепочку, которую Кирсти получила в наследство от бабушки Фрибергс, но сейчас в голове не было ничего, кроме пустоты и ядовитого душка от остатков клея, которым череп был промазан изнутри. Потом он обследовал коллекцию ракушек, беря их одну за другой и встряхивая, в надежде, что хоть одна загремит. Тишина. Музыкальная шкатулка, которую он привез ей из Лондона, была еще одним давним тайником, тем более хитроумным, что его нельзя было обыскать, не выдав себя. Он быстро откинул крышку, перевернул шкатулку и тряхнул – она раз пять сладкоголосо тренькнула, но в его подставленную руку ничего не упало. Он выдвинул ящики шкафа и прошупал аккуратно сложенные трусики и маечки, свернутые носочки и колготки, потом приподнял переднюю стенку кукольного домика и, взяв фонарик с кольца для ключей, посветил под кроватками размером с карточку «Американ экспресс» и шатким столиком-паучком, где он однажды обнаружил свои запонки с эмблемой Международной теннисной федерации, но сейчас там было только деревянное кукольное семейство в одежках из фетра: мама, папа и двое неуклюжих детишек сидели, как заколдованные, перед фарфоровой ветчиной.

Он отошел к окну, растер затекшую шею и посмотрел сквозь паутину «ловушки для снов» туда, где роились огни залива, особенно яркие на фоне ночной черноты. Она, несомненно, делает успехи. Поначалу она еще не знала уловок и хитростей, нужных для того, чтобы хорошенько что-нибудь спрятать, но постепенно всему научилась. Ее тайники становились все мудренее, в этом был даже некий вызов, что подкрепляло теорию профессора Хоффмана о том, что «позаимствованные» предметы только и ждут, чтобы их нашли. Это было не воровство, не простая детская клептомания. Хоффман еще не придумал этому названия. Он пока только собирал факты.

Он услышал, как она заворочалась под простыней, и прошептал:

– Эл, ты спишь?

Мягко ступая, он подошел к кровати и посмотрел на нее, будто ее физический облик мог дать ему ключ – как теплый, смазанный иероглиф. Теперь она спала на левом боку, правая рука свешивалась с кровати, вдоль которой Роза – до невозможного добродушная горничная из Чихуахуа – расставила детскую обувь, пару за парой, по сезону. Секунду помедлив, он перевел взгляд с девочки на обувь и с хрустом в коленях присел на корточки – старые проблемы с хрящами, заработанные за годы беготни по кортам. Оставив сандалии без внимания, он начал с кроссовок, потом перешел к школьным туфелькам, а потом – к красным резиновым сапожкам, которые он называл «веллингтонами», а Кирсти – «галошами». Последними стояли зимние ботики на овечьем меху, которые Алиса, с оглядкой на английские зимы, прислала Элле ко дню рождения, когда той исполнилось шесть лет и которые к осени уже станут ей малы. Он перевернул их, тряхнул и погрузил пальцы в мех. В носке левого ботика он нащупал что-то гладкое, размером с капсулу дероксата и действуя пальцами как пинцетом, вытащил найденный предмет из ворса и поднял повыше, чтобы рассмотреть при лунном свете, хотя уже и так понял, что это была пропавшая сережка, пару которых Кирсти оставила на часок без присмотра на краю умывальника в ванной.

Конечно, это означало, что предстоит очередной разговор – мягким укоризненным тоном, уже в который раз с тех пор, как полтора года назад пропало первое кольцо; Элла сидела на стуле, болтая ногами над ковром, и в ее глазах поблескивал дерзкий огонек, словно неспособность родителей понять тайный смысл этой игры заставляла ее по-детски их презирать. Хоффман, за сто пятьдесят долларов в час, предупредил Ларри и Кирсти, чтобы их увещевания ни в коем случае не травмировали девочку.

– Здесь нужна большая деликатность, – говорил он, улыбаясь из-за необъятного, отполированного до блеска стола. – Это все равно что выращивать бонсай. – И он указал на коллекцию крошечных ивовых деревьев с густой блестящей листвой, которым, судя по всему, у него в кабинете – в тени и отфильтрованном воздухе – жилось припеваючи.

На часах у кровати лапка Микки-Мауса в белой перчатке подобралась к назначенному времени. Два ночи. В Англии сейчас десять утра. Но несмотря на свое обещание, он слишком устал, чтобы звонить Алеку, слишком устал, чтобы переварить то, что может услышать. Лучше позвонить завтра, может быть, из Лос-Анджелеса. Завтра уже скоро. Он взял ингалятор Эллы и потрянул его, чтобы проверить, достаточно ли в баллончике сальбутамола. Он слышал, что в продаже появился новый, улучшенный ингалятор, под названием «Смарт мист», с микропроцессором, чтобы отмерять точнейшую дозу лекарства, и кое-какими другими новшествами, позволяющими регулировать силу воздушной струи. Его разработали ученые из Калифорнийского университета. Кирсти хочет купить Элле такой ингалятор – у некоторых девочек в ее классе он уже был.

Он посмотрел на нее в последний раз, прежде чем отправиться в спальню для гостей, где ему предстояло провести остаток ночи. Выражение ее личика смягчилось. Если прежде – пусть и очень смутно – она чувствовала его присутствие, то теперь она была далеко, в закоулках лабиринта снов, ее душа вырвалась на свободу, лицо удивительным образом расслабилось и обрело такое совершенство, что на секунду он ощутил неодолимое стремление разбудить ее, чтобы вернуть в реальный мир. Он наклонился низко-низко, так, что почти коснулся ее. И словно какой-нибудь нежный великан-людоед из сказки, которую детям давно уже не читают, тихонько вдохнул ее дыхание.

Ночной дозор

*Но ты не можешь себе представить, какая тяжесть здесь у
меня на сердце...*

Гамлет (Акт V, сцена 2) Перевод М. Лозинского

1

Отцовские часы в доме пробили назначенное время. Бой часов еле доносился до того места в саду, где он стоял – худой молодой человек в легком свитере и бесформенных синих брюках, – протирая стекла очков уголком скомканного носового платка. Последний час он провел со шлангом в руках, поливая клумбы и давая молодым деревцам хорошенько напиться, как ему и было велено. Теперь, аккуратно свернув шланг, он направился обратно в дом, в сопровождении кошки, тенью скользившей в зарослях дельфиниума, пионов и пышных восточных маков. Из окна Алисы, под самой крышей, сквозь неплотно задернутые шторы лился тусклый свет.

Наступал рассвет третьего дня с тех пор, как он вернулся в «Бруклендз» – дом в одном из графств к юго-западу от Лондона со стенами из серого камня, коричневой черепичной крышей и ветхой беседкой, – в этом доме он провел первые восемнадцать лет своей жизни. Собственную квартирку в Лондоне он запер, и его сосед, мистер Беква, чья одежда навсегда пропиталась крепким табачным духом и запахом подгоревшей еды, согласился пересылать ему почту (вряд ли ее будет много). Беква даже вышел на улицу, чтобы проводить его, и, зная, зачем и куда он едет, соорудил нарочито скорбную гримасу.

– Прощай, друг Алек! Ты славный парень! Прощай!

Уондсворт-Бридж, Парсонз-Грин, Хаммерсмит. И дальше на запад по Четвертой авто-страде мимо загородных супермаркетов и засеянных рапсом полей. Он так часто ездил по этой дороге с тех пор, как Алисе поставили страшный диагноз, что зачастую совершал свое путешествие машинально, не замечая ничего вокруг, и вдруг с удивлением обнаруживал, что проезжает последний поворот за птицеферму, а небо все разворачивает перед ним свое сияющее полотно, которое тянется к устью реки и еще дальше – к Уэльсу. Но на этот раз, по мере того как знакомые вехи одна за другой всплывали в зеркале заднего вида и уносились прочь, на него все больше накатывало чувство утраты, и, внося чемодан в коридор «Бруклендза», он отчетливо понял, что приехал домой действительно в последний раз и что половина прожитой жизни вот-вот стечет под откос, как многотонный оползень. Он простоял там пятнадцать минут, среди охапок пальто и шляп, старых ботинок, старых теннисных туфель, глядясь в преувеличенно яркий снимок на стене рядом с дверью в комнаты: он сам, Ларри и Алиса. Снимал, скорее всего, Стивен – вот они стоят, держа друг друга под руки, в засыпанном снегом саду – двадцать лет прошло. Сверху из комнаты матери доносился шелест радио и резкий кашель – он опустил голову и сам себе задал вопрос: есть ли на свете то, что могло бы ему помочь?

Чтобы попасть из сада в дом, нужно было спуститься по трем замшелым ступеням – с газона на террасу, где была стеклянная дверь в кухню. Здесь, у вытертого коврика, Алек сбросил туфли и пошел через дом к лестнице на второй этаж, надеясь, что Алиса уже спит и он ей больше не нужен. Ей предлагали перебраться в комнату на первом этаже, но она отказалась, несмотря на то, что все – доктор Брандо, приходящая медсестра Уна О’Коннелл и даже миссис Сэмсон, которая, сколько Алек себя помнил, приходила раз в неделю утром, чтобы сде-

лать уборку, – убеждали ее согласиться, говоря, насколько ей будет удобней и проще в погожие дни выбираться в сад. Разве нет внизу прекрасной комнаты, которая вот уже несколько лет как пустует, если не считать солнечных зайчиков, что днем выпрыгивают из зеркала? Но Алиса лишь улыбалась им улыбкой ребенка, чью незащитность болезнь только умножила, и говорила, что слишком любит вид из своего окна: картофельное поле, церковь, бегущие вдалеке холмы (которые, как она однажды сказала, напоминали мальчика, который улегся в траву на живот). И потом, ее спальня всегда была на втором этаже. Слишком поздно, чтобы «переделывать весь дом». Так что вопрос был закрыт, хотя порой в сердцах Алеку хотелось рассказать ей, каково это – быть свидетелем ее двадцатиминутной пытки, видеть, с каким трудом она карабкается вверх по лестнице, ступенька за ступенькой, впиваясь в перила пальцами, словно когтями.

Кое на что она согласилась. Сидя принимала душ, вместо того чтобы мыться в ванне, на унитазах пользовалась приподнятым пластиковым сиденьем, а в свой последний приезд Алек соорудил ей звонок, спустив провод по лестнице и прикрутив коробку звонка к балке над кухонной дверью. Они даже посмеялись немного, когда его испытывали: Алиса нажимала на большую белую кнопку рядом с кроватью (жалуясь, что она гудит, как пароходная сирена), а Алек ходил по дому, проверяя уровень звука, после чего вышел в сад и жестом показал Уне, которая нетерпеливо выглядывала из окна спальни, мол, отлично. Но уже к вечеру Алиса решила, что звонок – «это глупость», к тому же «совершенно бесполезная», и смотрела на Алека так, будто, установив его, он проявил бестактность: лишний раз подчеркнул, насколько она больна. Еще раз неоспоримо доказал, насколько ее состояние неоспоримо безнадежно.

Она не спала, когда он вошел. Полулежала на подушках в ночной рубашке и стеганом халате и читала книгу. В комнате было очень тепло. За день солнце накалило черепицу, к тому же на полную мощность работал обогреватель, и каждый предмет задыхался в испарине, добавляя к общему букету свой собственный запах, и этот дух, полуинтимный, полумедицинский, висел в воздухе, словно взвесь. Цветы в вазах, одни из сада, другие от друзей, вносили ноту оранжерейной сладости, кроме того, были еще духи, которыми она опрыскивала комнату, используя в качестве роскошного освежителя: в спальне они не очень чувствовались но, когда Алек выходил, их привкус оставался у него во рту целый час.

Чистота – или ее иллюзия – стала для нее наваждением, будто болезнь была чем-то противоречащим гигиене и ее можно было скрыть под вуалью запахов. С кошачьей тщательностью она мылась по часу утром и вечером в совмещенной с туалетом ванной, и это было единственной физической работой, с которой она еще могла справиться. Но ни мыло, ни ночные кремы, ни лавандовый гель для душа не могли до конца истребить то, что источали ее пораженные болезнью внутренности, хотя вряд ли можно было придумать что-нибудь более невыносимое, чем первый курс химиотерапии, проведенный два года назад, когда она сидела, закутанная в пледы, на диване в гостиной – чужая и жалкая, и пахла, как набор юного химика. Отросшие потом волосы оказались сверкающе белыми и постепенно превратились в копну снежных локонов до самого пояса. Она говорила, что это единственное, чем она еще может гордиться, – и отказалась от повторного курса лечения, когда ремиссия закончилась; теперь самое большое удовольствие и утешение ей доставляли визиты ее парикмахерши Тони Каскик, чьей клиенткой она была с незапамятных времен. Они приспособились к обстоятельствам: поскольку и речи быть не могло о том, чтобы Алиса ездила в Нейлси – это двадцатиминутное путешествие стало ей не по силам, – раз в неделю Тони приезжала сама и укладывала волосы Алисы тяжелой щеткой, пока та сидела, повернув лицо к свету и закрыв глаза, и улыбалась, слушая салонные сплетни. Иногда Тони брала с собой своего пуделя, Мисс Сисси, красавицу сучку в тугих черных кудряшках, и Алиса гладила ее узкую

голову, позволяя лизать себе запястья, но вскоре собаке это надоедало, и она убегала обнюхивать покрывало, складки которого пестрели пахучими пятнами.

– Мам, ты как?

Он стоял на пороге, руки в карманах, едва заметно перекатываясь с носков на пятки.

– Хорошо, милый.

– Нужно что-нибудь?

Она покачала головой.

– Точно?

– Спасибо, милый.

– Может, принести чаю?

– Спасибо, не стоит.

– Я кое-что поделал в саду.

– Хорошо.

– А может, горячего молока?

– Нет.

– Ты не забыла выпить зопиклон?

– Нет, милый, не забыла. Да не волнуйся ты так.

Она нахмурилась – строгая пожилая директриса, которой досаждал неугомонный ученик. Ее взгляд приказывал выйти вон.

– Ладно, читай, – сказал он. – Я еще зайду.

Она кивнула, и это движение вызвало у нее приступ кашля; но когда он кинулся к ней (зачем, что он собирался сделать?), она замахала на него, гоня прочь, и он вышел, помедлив на площадке перед дверью, пока ее кашель не успокоился, а потом медленно пошел вниз по лестнице, покраснев от внезапно нахлынувшего непонятного чувства.

Внизу лестницы на стене – не увидеть его было невозможно – в пластиковой рамке висел разворот с очерком о Ларри из американского журнала про знаменитостей. Львиную часть очерка составляли фотографии, а в заглавии было написано: «Любимчик Америки» (с сердечком посередине): на первой странице красовался старый снимок девятнадцатилетнего Ларри, потрясающего ракеткой перед трибунами после победы над седьмым номером мирового рейтинга – Эриком Мобергом – на Открытом чемпионате Франции 1980 года. Ниже – снова Ларри, но уже погрузневший, загорелый до черноты, стоит, прислонившись спиной к серебристому «ягуару» перед небоскребом «Утюг» на Манхэттене, одетый на манер молодого и удачливого биржевого дельца, собравшегося в гольф-клуб, – снято в те времена, когда он работал на рекламный цирк Натана Слейтера в Нью-Йорке. Потом – неизбежный кадр из «Солнечной долины», где Ларри, в белом халате и с суровым лицом, прижимает дефибрилляторы к грудной клетке сексапильной жертвы сердечного приступа. Но самой большой из фотографий – почти на всю правую страницу – был семейный портрет Ларри, Кирсти и трехлетней Эллы, сидящих на диване в своем «живописном доме в престижном районе Сан-Франциско». Ларри обнимает Кирсти за плечи, и та вся светится от радостного возбуждения – счастливица, заарканила «истинного джентльмена», звезду «Солнечной долины», – а Элла пристроилась между ними, но на ее личике застыло такое скорбное выражение, что нетрудно было представить себе мольбы фотографа (согласно подписи – Боба Медичи): «Не могли бы мы попросить маленькую леди тоже улыбнуться?» Но даже в три года Элла была упряма, как ослик, и на уговоры не поддавалась. С тех самых пор, как очерк занял свое место на стене, миссис Сэмсон – поправляла ли она рамку или протирала ее желтой тряпкой для пыли – не могла удержаться, чтобы не проворчать себе под нос: «Прости господи...» или «Стыд-то какой...» – и хмурилась, словно недовольство ребенка относилось к ним ко всем.

На кухне Алек вынул из заднего кармана брюк сложенный листок бумаги, на котором убористым почерком Уны было расписано, какие лекарства должна принимать Алиса, когда и в каких дозах. Антидепрессанты, противорвотное, обезболивающее, слабительное, стероиды. На столике у ее кровати стояла пластмассовая коробка, разделенная изнутри на сегменты: синий – для утренних лекарств, оранжевый – для дневных и вечерних, но болезнь, усталость, а может, и сами таблетки стали причиной провалов, пробелов в памяти, и в день приезда Алека Уна, сидя рядом с ним на шаткой скамеечке у беседки, посоветовала ему незаметно для Алисы следить за пополнением и расходом содержимого этой коробки, и он сразу же согласился, довольный: уж с таким-то заданием он справится. Он сделал на листочке отметку, взял с кухонного стола свой кожаный портфель и вышел на террасу.

В голубоватом сумраке висел бледный полумесяц, а в одном из квадратов небесной карты комета Хейла – Боппа – известная всему миру громадина из льда и пыли – неслась обратно к небесному экватору. Ранней весной он часто наблюдал за ней, сидя на утыканной антеннами крыше своего дома, и ему с трудом верилось, что этот гигантский эллипс исчезнет бесследно, не став причиной какого-нибудь несчастья или даже несчастий – бесчисленных роковых случайностей, что проливаются звездным дождем из хвоста кометы, – но, по крайней мере сейчас, небо не готовило никаких сюрпризов, его механизм работал как часы, не предвещая ничего из ряда вон выходящего или опасного.

Он зажег фонарь и повесил его за проволочную ручку на железную скобу рядом с кухонной дверью – пусть особенной темноты в ближайший час не предвиделось, ему нравился резкий запах парафина и шипение фитиля, от которого на душе становилось теплей. Он настроился на работу. Пить ему было нельзя, а курить он так и не научился. Его отдушиной была работа, и, усевшись на один из старых стульев с брезентовыми сиденьями, он вытащил из портфеля рукопись, словари, маркеры и принялся читать, поднося листы близко к очкам, – поначалу сосредоточиться было трудно: мыслями он все еще был наверху, в комнате матери. Но постепенно работа увлекла его в упорядоченный, с разрядкой в два интервала мир текста, и в ритме своего дыхания он принялся шептать слова на языке, который сделал для себя наполовину родным.

2

На узкой кухоньке в квартире на пятом этаже дома по улице Делаамбр Ласло Лазар готовил к званому ужину эскалопы из телятины «en papillote»¹. Этот рецепт требовал особой аккуратности и точности, поэтому, когда одна из приглашенных, Лоранс Уайли, сообщила, что ее муж, художник Франклин Уайли, принес с собой пистолет и размахивает им посреди гостиной, это больше раздосадовало его, чем встревожило. Эскалопы – нежно-розовые, почти прозрачные – лежали на разделочной доске. Он только что собирался отбить их деревянным молотком.

– Пистолет? Какого черта, где он его взял?

– У какого-то копа, с которым пьет в «Лё Робине». Бога ради, Ласло, скажи ему, чтобы он убрал его, пока чего-нибудь не случилось. Тебя он послушает.

Она стояла на пороге с широко открытыми глазами, прямая, как танцовщица, волосы убраны с лица серебряной заколкой. В руках – сигарета, одна из тех, что продаются в белых или почти белых пачках и которые Ласло считал совершенно бессмысленными.

– Франклин никого не слушает, – ответил он.

– А вдруг пистолет выстрелит?

– Не выстрелит. – Он принялся отбивать первый эскалоп. – Он не настоящий. Или просто старье, из которого вынимают начинку и продают коллекционерам или психам вроде него. Рядом с Биржей есть магазинчик, где на витрине полно такого добра.

– Он выглядит как настоящий, – сказала она. – Он черный.

– Черный? – Он улыбнулся. – Лоранс, он просто выпендривается. Хочет произвести впечатление на Курта. Помочь хочешь? Мне нужно порезать грибы. И четыре луковицы.

Пожав плечами и надув губки, она вошла в кухню, сняла кольца, положила их на кухонный стол и, взяв большой нож фирмы «Сабатье» с черной рукояткой, двумя точными ударами обрезала макушку и хвостик у первой луковицы.

– Он стал просто невозможен. – Она завела старую пластинку. – Целыми днями сидит в студии. Ничего не делает. Глогает таблетки, а какие – не показывает. Лжет. Я даже не знаю, любит ли он меня еще.

– Конечно любит. Да ему без тебя и дня не прожить. И почему ты говоришь, что он «стал» просто невозможен? Он и раньше таким был.

Она покачала головой, со щеки слетела слеза и разбилась о колечки лука.

– Я не могу избавиться от мысли, что должно произойти что-то ужасное. Правда ужасное.

Ласло оторвался от работы и обнял ее: у него в руке молоток, у нее – нож.

– Я так устала, – сказала она, уткнувшись ему в шею. – Я всегда думала, что когда мы станем старше, все будет проще. Яснее. Но все еще больше запутывается.

– Мать Божья! – заорал Франклин, вваливаясь на кухню, – его фигура заняла все свободное пространство. – Венгерский педераст лапает мою жену! Отпусти ее, ублюдок!

Ласло взглянул на руки американца:

– Что ты сделал со своей штуковиной?

– С револьвером? Отдал его твоему прекрасному арийцу. Как насчет приличной выпивки, а, скупердай?

– Приличная выпивка будет на кое-каких условиях, – ответил Ласло как можно более суровым тоном. – Ты же знаешь, что сегодня придет Кароль. Давай проведем этот вечер в тишине и покое.

---

¹ В обертках (*фр.*). (Здесь и далее – прим. ред.)

– Я нравлюсь Каролу, – заявил Франклин. Он открыл морозильник и вытащил бутылку «Житной». От теплого кухонного воздуха ее стекло тут же запотело. – Русский самогон!

– Польский, – возразил Ласло. – Русские пьют бензин. Солярку.

– Ничего не имею против солярки, – сказал Франклин, засовывая бутылку в карман пиджака. – Можешь продолжать обжиматься с моей женой. Я тебя пристрелю потом.

– Ты промажешь, – ответил Ласло, отворачиваясь обратно к разделочной доске. – Обязательно промажешь.

Давний житель шестого округа, автор пьес «Скажи “нет”, скажи “да”» (1962), «Вспышка» (1966), «Король Сизиф» (1969, его первая пьеса на французском) и еще тринадцати произведений, хорошо принятых всеми, кроме критиков крайних левых или крайних правых, которые считали его работы удручающе независимыми, бывший художественный директор «Театра Арто» в Сан-Франциско, читающий лекции по драматургии и восточноевропейской литературе в Сорбонне (понедельник и вторник после обеда), Ласло Лазар отбивал телятину и вспоминал, как познакомился с четой Уайли однажды вечером шестьдесят первого в джаз-погребке на улице Сен-Бенуа, когда та женщина, что стояла рядом с ним и резала овощи, жалуясь на бессонницу и прочие нелады со здоровьем, возникла из облака табачного дыма – волосы коротко подстрижены, как у Джин Себерг в фильме «На последнем дыхании»², – и улыбнулась ему, садившемуся за столик вместе с полудюжиной других эмигрантов, бледных молодых людей с плохими зубами, которые крутили сигареты из рисовой бумаги и потягивали выпивку как можно медленнее, отчаянно пытаясь сэкономить. Ее улыбка рассказала ему самое главное, что он хотел о ней знать: что она добра и не более таинственна, чем любой из его прежних знакомых. Иштван пригласил ее к ним за столик и нашел для нее стул, но говорила она именно с Ласло, склонившись к нему под визг саксофонов, и смеялась вместе с ним, и слушала его густо окрашенный акцентом французский. Судьба, конечно, если верить в подобные вещи – в фатум. А потом, тогда же вечером, произошла еще одна встреча: она представила ему коротко стриженного американца – высокого, длиннорукого, атлетически сложенного типа, с пристальным голубым взглядом фермера из голливудских фильмов. Франклин Шерман Уайли был всего лет на пять старше Ласло, но, стоя позади Лоранс – рука на бретельке ее платья, в старой военной рубашке, заляпанной пятнами краски, которыми он гордился, словно медалями, – он излучал полную обаяния, мужественную уверенность в себе, которая была у Петера, но которой, как с прискорбием замечал Ласло, отчаянно не хватало в его собственной жизни.

Когда они вышли на сверкающий звездами кислород Сен-Жермен и распрощались, стоя посреди узкой улицы, сердце Ласло, всегда легко воспламеняемое, вспыхнуло; но, хотя он желал их обоих, в мечтах он целовал именно Франклина, который это скоро понял и с тех самых пор добродушно с этим мирился. На следующей неделе они вместе пошли на «Последнюю запись Крэппа»³ в исполнении Майкла Дули в театре Сары Бернар, а потом скрепили свою дружбу – всегда очень хрупкую конструкцию, если она опирается на три ноги, – грандиозным походом к Сакре-Кёр, встретив рассвет в баре рядом с Лё Галль и позавтракав свинными ножками с эльзасским пивом.

Такой вот сценарий. Он и понятия не имел, сколько еще вечеров и ночей они провели вместе. Сто? Пятьсот? Но из всего, что случилось с Ласло за следующие годы – а в его жизни действительно много чего случилось: любовники обоего пола, поездки в Италию, Испанию и Америку, зимы в студиях с небезопасным отоплением в виде керосинки, бесконечные черновики и наброски пьес, – именно эти шатания по Парижу с Франклином и

---

² Фильм Жана-Люка Годара (1959).

³ Пьеса С. Беккета (1906–1989), написанная в 1958 г.

Лоранс, их настроение, замешенное на крайней серьезности и отвязном дурачестве, стали причиной того, что время с шестьдесят первого по шестьдесят девятый, от Алжирского кризиса до прилунения «Аполлона», сейчас, когда он оглядывался назад с высоты своего пятидесяти девятого лета, вызывало у него почти невыносимые приступы ностальгии. Прежние годы принадлежали к совершенно другому миру. Холодные классы. Молодежные демонстрации. Речи по радио. Рассказы бабушки и дедушки про адмирала Хорти на белом коне. Покрытые морщинами, изнуренные лица родителей – и мать и отец были врачами в больнице имени Шандора Петефи. И конечно же, революция. Поющий Будапешт.

Потом, словно заплыв дальше, чем они сами предполагали, трое друзей попали в неумолимые жернова успеха. Огромные, написанные красками из аэрозольных баллончиков полотна Франклина раскупались заботящимися о собственном имидже банкирами и дельцами из Нью-Йорка вроде семейства Вильденштайн, а пьесы Ласло, в которых тот настойчиво твердил о тщетности любых действий, показались кому-то пророческими, и с тех пор их премьеры собирали толпы шикарной и знаменитой публики. Лоранс стала желанной гостьей глянцевого журнала по обе стороны Атлантики («Дома у миссис Франклин Уайли», «LA BELLE MUSE FRANÇAISE DE FRANCLIN WYLIE»⁴), но она разменяла четвертый десяток без детей и со множеством морщинок, которыми беспокойство расчертило ее лицо. Тот шарм, что заставлял мужчин любого возраста искать ее дружбы и бороться с искушением положить руку ей на бедро, давал сбой с каждой новой интрижкой мужа, которых он почти не пытался скрывать. Франклин стал специалистом по части бешенства. В свой сороковой день рождения, влекомый демонами, о чьих именах Ласло мог только догадываться, он на полной скорости направил машину в бок туристического автобуса на улице Эколь, полного до смерти перепуганных, но чудесным образом не пострадавших пожилых американцев, и от последствий его спас только американский посол, который убедил полицию счесть эту выходку в высшей степени артистичной, а не в высшей степени преступной. Два года спустя он избил – без всякой видимой причины – хозяина ливанского ресторанчика в Бельвилле, с которым вот уже много лет поддерживал дружеские отношения. А совсем недавно его оштрафовали на пять тысяч франков за то, что он швырнул стул в официанта в закусочной «Липп» (у парня были гусарские усы).

Но самым пугающим, самым печальным и непонятным из этого списка был день, когда он зашел на улицу Дегерри и увидел, как Лоранс скоблит стену студии, счищая засохшую еду, а пол сверкает осколками битых стаканов и чашек. С той минуты он больше не пытался их понять, ведь если ты не жил с кем-нибудь с детства, не дышал с ним одним и тем же воздухом, в вашей жизни всегда останется много такого, чего вы никогда не сможете объяснить. Тебе придется любить, если любишь, – из верности, не задавая никаких вопросов.

Он посыпал эскалопы солью и перцем и сбрызнул лимонным соком. Большая сковорода «Крёзе» уже раскалилась. Масло – сливочное *demi-sel*⁵ из того же магазина, что и мясо, – пузырилось и потрескивало. Он слегка обжарил эскалопы с обеих сторон и выложил их на массивное фарфоровое блюдо с тонкими голубыми прожилками – венами под кожей-глазурью. Потом коснулся волос Лоранс легким поцелуем, взял у нее разделочную доску, спассеровал лук с грибами и добавил к ним пригоршню мелко нарезанной петрушки. И наконец завернул телятину, грибы, петрушку и лук вместе с кусочками ветчины и тонко нарезанным пармезаном в вырезанные сердечком листы пергаментной бумаги, которую тщательно смазал маслом. Когда он открыл духовку, ему в лицо мягко пыхнуло жаром. Он разложил сверточки на среднем противне и закрыл дверцу, оставив на металлической ручке жирные отпечатки.

⁴ Очаровательная французская муза Франклина Уайли (*фр.*).

⁵ Слабосоленое (*фр.*).

- Двадцать минут, – сказал он.
  - Мне уже лучше, – сказала Лоранс, ладонью отводя прядь волос, упавшую ей на бровь.
  - Вот и хорошо, – ответил Ласло. – Мы слишком стары, чтобы быть несчастными.
- И в ту же секунду прозвучал выстрел.

3

Алиса лежала, утопая головой в подушках, и промокала глаза розовым комочком бумажного носового платка. Она не знала, почему плачет, почему она расплакалась именно сейчас, хотя у нее и было тяжело на душе после разговора с Алеком. Конечно же, он докучал ей, стоя в ногах кровати и пялясь сквозь свои очки, «стекла», как он их называл, – наверное, воображал себя доктором. Но она была груба с ним, и теперь ей было стыдно. Остается лишь свалить все на лекарства. Как узнать, кто виноват? Как ей узнать, где она, прежняя Алиса, а где вступает в свои права какой-нибудь вредный побочный эффект? «Неужели это я? – думалось ей. – В кого я превратилась?»

Она затолкала бумажный комок в рукав ночной рубашки и ощупала рукой стеганое, на гагачьем пуху одеяло в поисках книги, старого издания «Черного тюльпана» из «Библиотеки классики». Было трудно подыскать что-нибудь такое, что не сразу ее изнуряло или, по крайней мере, достаточно легко читалось. *Livre: quel qu'il soit, toujours trop long*⁶. И все вокруг совали ей книги, будто рак был чем-то вроде скучного круиза, во время которого ей было нужно отвлечься. Приятно провести время. Она выбирала те книги, что покороче, или книги, которые она уже читала когда-то, и они немного помогали, скорее всего, потому, что утомляли ее более интересным способом, чем все остальное.

Уна как-то предложила ей слушать «говорящие книги». Например, «Большие надежды» в исполнении Дерека Джекоби. Но слушать – не то же самое, что читать. Не так интимно. К тому же глаза у нее были в порядке. Ее глаза относились к тому немногому в ее организме, что работало просто отлично, как раньше. Как и волосы, которые все росли и росли, словно не имели ни малейшего представления о том, что происходит в остальных частях тела...

Нужно будет поговорить с Уной насчет лекарств. Анаболики больше не убивали боль, вся эта химия лишь вызывала у нее запор, и это жутко ее раздражало. Она хотела перейти на следующую ступень. Непенте? Или ороморф – он, как ей говорили, по вкусу похож на виски. Может, и получится. Или лучше поговорить прямо с Брандо? Он – царь и бог, последнее слово всегда за ним. Он ведь обещал заехать к концу недели. Присядет на край кровати и будет болтать. Потом придется пару минут разглядывать потолок, пока он ощупывает ее грудь и шею, извиняясь за свои холодные руки, которые вовсе не были холодными. Секретные переговоры с Уной на первом этаже. Миллиграммы того, миллилитры этого. Выдаст новый прогноз. И уйдет.

Как люди справлялись с этим раньше? Во времена Дюма? Служанка, спящая на цыпочках с ночным горшком. Ароматические шарики, чтобы заглушить зловоние. Доктора и аптекари с их никчемными снадобьями. Теперь превращение людей в бесчувственных кукол стало целым искусством. Боль изучают в специальных лабораториях, а во Всемирной организации здравоохранения даже разработали «лестницу» – анальгетики назначают в соответствии со ступенью, на которой вы находитесь, и теперь вы уже не можете просто сказать, что вам больно. Ей приходилось делать пометки для Уны в маленьком красном ежедневнике «Сильвер-стоун». Резкая. Тупая. Толчки. Волны. Один раз она поставила боли оценку «семь». «Десять» должно было обозначать такую боль, какую просто невозможно себе представить. Она оставила эту оценку на крайний случай. А потом, если повезет, как кузине Розе из Брансгора, у которой в желудке выросла опухоль размером с футбольный мяч, вам пропишут сироп под названием «коктейль Бромптона» и позволят умереть смертью семнадцатилетнего наркомана – бог знает, что ей мерещилось в обступивших ее тенях.

⁶ Книга: какая бы ни была, всегда слишком длинна (*фр.*).